

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧНОСТИ

МОДЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ СТЕРЕОТИПОВ И ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В РОССИИ

Дмитрий Сергеевич Григорьев (dgrigoryev@hse.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Григорьев Д.С. Модель содержания стереотипов и этнические стереотипы в России. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(2): 215–244. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.9>

Аннотация. Обзорная статья знакомит читателей с современным состоянием исследований в рамках модели содержания стереотипов и некоторым опытом ее применения для объяснения содержания этнических стереотипов в России. Даны определения двум базовым компонентам социальной перцепции (теплоте и компетентности), описаны их antecedенты (взаимозависимость и статус) и последствия (согласно модели BIAS), а также возможные эффекты компенсации. Применительно к этническим стереотипам русская модель была использована в 2018 году для составления карты этнических стереотипов для шестидесяти самых многочисленных этнических групп (как иммигрантов, так и этнических меньшинств). Четыре кластера занимали пространство теплоты-компетентности содержания стереотипов: (1) православные славянские народы (высокая теплота и высокая компетентность); (2) преимущественно коренные народы РФ и восточно-христианские группы (средняя теплота и средняя компетентность); (3) этнические группы из экономически развитые страны (низкая теплота и высокая компетентность); а также (4) группы, воспринимаемые как неквалифицированные иммигранты, стигматизированные и конфликтные группы (низкая теплота и низкая компетентность). Кроме того, сообщаются результаты проверки предположения об амбивалентности стереотипов, связи численности групп и позицией «ингруппа/аутгруппа» с их оценкой, а также последствия их культурного (или религиозного) сходства. Карта содержания этнических стереотипов в РФ показала преимущественно стереотипы с взаимосвязанными теплотой и компетентностью, с несколькими амбивалентными стереотипами. Модель содержания стереотипов, при учете antecedентов из других моделей, ожидаемо и последовательно описывала стереотипные образы этнических групп в РФ. На основе современного понимания даются предложения по изменению этнических стереотипов в РФ.

Ключевые слова: модель содержания стереотипов, этнические стереотипы, социальная структура, межкультурные отношения, социальное познание, межгрупповая предвзятость, межэтнические отношения и конфликты.

Большинство из нас ежедневно встречают людей различного этнического происхождения. Сейчас, как никогда ранее, глобализация и иммиграция, наложенные на исторические волны миграции, а также стремительные социокультурные и экономические трансформации изменяют простые этнические образы, которые люди когда-то могли использовать для понимания друг друга*. Эта изменившаяся повестка дня бросает новый вызов тому, как мы должны жить вместе и коммуницировать друг с другом.

Стереотипы лежат в основе межкультурных процессов, и поскольку социальным наукам нужны систематические принципы для описания как процесса стереотипизирования, так и содержания стереотипов, а тема межкультурных отношений долгое время считалась актуальной, большое количество исследований стереотипов разбросаны по различным научным направлениям: социальная психология, социология, этнические исследования, межкультурная коммуникация и менеджмент и др. Стереотипы имеют когнитивную природу и прежде всего рассматриваются как широкие обобщения, сделанные в отношении группы людей на основании их членства в этой группе, при этом они могут отражать негативные (например, «евреи жадные») или позитивные (например, «узбеки гостеприимные») представления о группе, а также могут включать физические описания (например, «китайцы низкорослые»), черты характера (например, «русские терпеливые»), установки (например, «корейцы — расисты»), поведение (например, «цыгане попрошайничают»), жизненные результаты или обстоятельства (например, «таджики работают на стройке») (Simon 2011).

Базовой дистальной причиной того, что такое явление, как «стереотипы», вообще возможно, можно признать психологический эссенциализм. Психологический эссенциализм представляет собой устойчивую уверенность в том, что члены категории (например, кошки) объединены общей сущностью, которая определяет их внешне наблюдаемые свойства. Такие рассуждения предполагают, что категории стабильны и неизменны (т.е. котята становятся кошками и однажды кошка — всегда кошка). По всей видимости эссенциалистское мышление о видах является функциональной когнитивной адаптацией, поскольку предположение, что они неизменны, лежит в основе многих практических выводов в биологическом мире (Quillien 2018)**. Все это справедливо и для межгрупповых

* Больше этнокультурное многообразие связано с *меньшим* разбросом стереотипов — так, люди используют более дифференцированные стереотипы групп в этнически гомогенных контекстах, но более сходные, пересекающиеся стереотипы в этнически гетерогенных (см.: Bai et al. 2020).

** Например, чтобы избежать ядовитых пауков и змей, людям не нужно много знать о них и их древних предках, достаточно лишь рассматривать их как обладающих неизменными врожденными свойствами, опасными для человека.

отношений, поскольку для древних людей защитить ингруппу от вреда можно только в том случае, если относительно быстро выявить угрозу. Воспринимающие должны использовать ограниченную систему когнитивной обработки, чтобы справиться с богатой и сложной средой, в которой они живут. Они должны понимать, а также предвидеть взаимодействие в ней. Таким образом эволюционно, из-за ограничений системы человеческого познания, автоматическое отнесение социальных групп к категориям на основе их сходств или различий становится функционально адаптивным (Berry 1970).

С момента, как в 1922 году американским журналистом У. Липпманном в книге «Public Opinion» термин «стереотип» был впервые использован в современном смысле, было проведено огромное количество исследований, направленных на понимание различных аспектов стереотипизирования и стереотипов, включая их (1) функции, (2) процессы формирования и (3) активации, (4) последствия, (5) точность и (6) содержание (McGarty et al. 2002; Operario, Fiske 2004) (табл. 1).

Таблица 1

Основная тематика изучения стереотипов

Тематика	Примеры
Функции	— Когнитивные функции (экономное понимание социального мира и навигация в нем посредством особого упрощения и систематизации информации, см. например, модель «когнитивного скряги») — Социальные функции (самокатегоризация, межгрупповая дифференциация, обоснование целей ингруппы, объяснение целей аутгруппы, социальное влияние и ингрупповой консенсус; обеспечение социальных норм для предубеждений и дискриминации, а также оправдание для подобной реакции по отношению к аутгруппам)
Формирование*	— Когнитивные процессы формирования (искажение переноса, иллюзорная корреляция) — Социальные процессы формирования (межгрупповые отношения, влияние общей среды, социализации и воспитания)

* Стереотипы формируются преимущественно эндогенным путем (т.е. из социальной реальности), экзогенный путь так же возможен — стереотипы могут формироваться без существующей социальной реальности, но всё же вызывать дискриминацию, которая затем и формирует социальную реальность. Например,

Окончание таблицы 1

Тематика	Примеры
Активация	См. модель двойного процесса когнитивной обработки стереотипов (McGarty et al. 2002)
Последствия	Стереотипная угроза, самостереотипизация, самосбывающееся пророчество, атрибутивная неоднозначность, замена наблюдения, предубеждения, дискриминация
Точность	Исследования точности стереотипов демонстрируют одни из наиболее воспроизводимых и самых больших эффектов в социальной психологии (Jussim et al. 2015)*
Содержание	Например, модели, рассматривающие «Большую двойку» (теплота/общность и компетентность/агентность) (см. например: Fiske 2018)

Содержание стереотипа относится к атрибутам, которые, по мнению людей, характеризуют группу. В литературе по содержанию стереотипов основной фокус на том, что люди думают о других, а не на причинах и механизмах, вовлеченных в стереотипизирование как процесс (Oregario, Fiske 2004). Ранние объяснения содержания стереотипов (например предложенные Г. Олпортом) предполагали, что стереотипы об аутгруппах выражают простую общую антипатию. Напротив, современное понимание стереотипов, отраженное в модели содержания стереотипов С. Фиск (далее МСС), указывает, что стереотипы часто амбивалентны и различаются по нескольким параметрам (Fiske et al. 2002)**.

недавнее исследование рассмотрело новую форму дискриминации в Китае на основе западных астрологических знаков, распространившихся среди китайцев в качестве последнего веяния массовой моды, которые никак не связаны с чертами личности, но, видимо из-за неточного перевода на китайский, стали источником для стереотипов и последующей дискриминации (см.: Lu et al. 2020).

* Этнические стереотипы также могут отличаться довольно высокой точностью, а предпочтения иммиграционной политики среди принимающего населения могут быть частично основаны на этих точных стереотипах (см.: Kirkegaard, Bjerrekaer 2016; Kirkegaard et al. 2020). В целом феномен точности стереотипов можно связать с понятием «мудрости толпы», который обычно иллюстрируется статьей Ф. Гальтона «Vox Populi» в журнале Nature (1907) об угадывании людьми веса быка.

** То есть смешаны по содержанию, как будет показано далее, стереотип может содержать высокую оценку теплоты и низкую оценку компетентности, или наоборот. Эти комбинации содержания стереотипов формируют, в терминах МСС, квадранты смешанных(или амбивалентных) стереотипов.

Модель содержания стереотипов была сформулирована в конце 1990-х годов в США, сегодня на ее основе были проведены исследования в более чем 50 странах, однако до недавнего времени она не применялась для объяснения межэтнических отношений в РФ (Grigoryev et al. 2019). В МСС этнические стереотипы рассматриваются как следствие исторически сложившихся межэтнических отношений, поэтому было важно проверить, насколько прогнозы данной модели стабильны в отличных от США контекстах. Ранее предсказания МСС показали свою устойчивость в разных местах (Cuddy et al. 2009; Durante et al. 2013; 2017; Fiske 2017) и во времени (Bergsieker et al. 2012; Durante et al. 2009), а также в условиях применения различных методов исследования (Fiske et al. 2013) и в независимости от способа сбора данных: репрезентативная выборка (Cuddy et al. 2008), либо удобная выборка (Fiske et al. 2002), либо собранная онлайн (Kervyn et al. 2015).

Область применимости МСС обширна. Помимо этнических стереотипов, таких как стереотипы о мигрантах и этнических меньшинствах (Burkley et al. 2017; Fiske et al. 2009; Froehlich, Schulte 2019; Grigoryev et al. 2019; Lee, Fiske 2006; Pancorbo et al., 2019), МСС также показала свою полезность для объяснения стереотипов к другим различным подкатегориям социальных групп, например: типы женщин и мужчин (Eckes 2002), геев (Clauzell, Fiske 2005), богатых (Wu et al. 2018), социальных классов (Grigoryan et al. 2020), а также животных (Sevillano, Fiske 2016), брендов коммерческих корпораций (Kervyn et al. 2012), туристических зон (Shen et al. 2019) и т.д.

Таким образом, МСС на сегодня одна из самых обоснованных и влиятельных, а также культурно универсальных и устойчивых относительно своих прогнозов в социальных науках исследовательских программ, что делает безусловно важным знакомство с ней широкого круга читателей. Целью настоящей работы является обзор (1) основных положений МСС и (2) результатов полученных на ее основе относительно этнических стереотипов в РФ и других культурах, а также (3) сравнение данного подхода к этническим стереотипам с другими (из литературы по аккультурации и межгрупповым отношениям) с демонстрацией стабильности его основных прогнозов.

Основные положения и следствия МСС

Источник содержания стереотипов. Когда люди оценивают или высказывают суждения о других людях или группах, они используют два базовых компонента социальной перцепции, которые МСС определяет как воспринимаемые (1) *теплоту* (доверие к объекту оценивания и его

дружественность) и (2) *компетентность* (способности объекта и его агентность), которые отражают два базовых вопроса об объекте оценивания: «Намеревается ли он помочь мне и моей группе или навредить (т.е. он друг или недоброжелатель)? И способен он это сделать или нет?» (Fiske 2015, 2018; Fiske et al. 2007). Другими словами, теплота также охватывает как моральность, так и социабельность, а компетентность как способности, так и асертивность объекта оценивания (табл. 2).

Таблица 2

**Два базовых компонента социальной перцепции («Большая двойка»):
вертикальное и горизонтальное измерение***

Горизонтальное измерение — Теплота (дружественные / враждебные?)	Вертикальное измерение — Компетентность (способны помочь / навредить?)
<p><u>Мораль</u> благонамеренные, надежные, заслуживающие доверия, честные, нравственные, искренние и т.д.</p>	<p><u>Способности</u> умные, способные, умелые, компетентные, креативные, талантливые, творческие и т.д.</p>
<p><u>Социабельность</u> дружелюбные, открытые, приятные в общении, теплые, душевные, сердечные, располагающие к себе и т.д.</p>	<p><u>Асертивность</u> амбициозные, настойчивые, напористые, самоуверенные, дерзкие, сильные, высокомерные, доминирующие и т.д.</p>

Первая редакция МСС предполагала, что основными antecedентами содержания стереотипов является воспринимаемые (1) *статус* (социе-

* В литературе так называемая «Большая двойка» имеет разные обозначения и не всегда можно сказать, что все они указывают на полностью одно и то же (т.е. являются абсолютными синонимами). Однако, в целом, эти измерения можно обозначить как *вертикальное* и *горизонтальное* (Ellemers et al. 2020). Также их можно назвать *маскулинностью* и *феминностью*, поскольку «Большая двойка» может быть продуктом эволюционной истории человека, репрезентирующей черты, которые люди видят как встречающиеся вместе в гендерных ролях в следствии полового диморфизма. Бифуркация гендерной роли исторически развивалась в контексте выживания человека, как в плане биологической необходимости (размножение), так и в плане функциональности гендерной роли (разделение труда). До сих пор с самого раннего возраста гендер является наиболее заметным аспектом социальной идентичности и первой категорией, с помощью которой дети учатся идентифицировать себя и других. Таким образом, «Большая двойка» это отражение более базового, архаического разделения между мужчинами и женщинами, которое люди воспринимают в других (см.: Martin, Slepian 2020).

тальные ресурсы и престиж), предсказывающий компетентность и (2) конкуренция (несовпадение целей аутгруппы с целями ингруппы оценивающих), предсказывающая теплоту (Fiske et al. 2002)*. Позднее, используя положения теории интегрированных угроз, в понятие конкуренции и ее измерение были также инкорпорированы реалистическая и символическая угрозы (Kervyn et al. 2015). Пример оценок на базе модели содержания стереотипов приведен в таблице 3.

Однако другая модель, модель социальных ролей, указывает также на атрибуты социальных ролей, которые типичны для членов группы, в качестве источника содержания стереотипов**. То есть содержание стереотипов проистекает из наблюдаемого ролевого поведения членов социальных групп, а сами социальные роли неравномерно распределены среди них. Эта непропорциональность в поведении, обычно проявляемом в этих ролях, влияет на черты, приписываемые группе в целом. Впрочем, межгрупповые отношения и социальные роли, будучи различными источниками информации о группах, не только смешиваются в естественных условиях, но и конвертируются друг в друга***. Тем не менее в экспериментальной ситуации было показано, что когда присутствуют оба типа инфор-

* Поэтому МСС указывает, что содержание стереотипов проистекает из положения членов группы в социальной структуре через межгрупповые отношения, например, средний класс обладает более высоким статусом и властью, чем рабочий класс, что обеспечивает ему большую оценку по компетентности. Связь «статус—компетентность» представляет собой широко распространенную веру в меритократию, в то, что статус людей отражает их способности и талант. Конечно, обстоятельства могут определять статус (или сотрудничество/конкуренцию), но воспринимающие склонны пренебрегать ситуативными причинами. Корреляция «статус—компетентность» устойчива и в среднем выше 0.80 (Durante et al. 2017). Эта высокая степень соответствия между статусом и компетентностью приводит к тому, что некоторые модели рассматривают их как единое измерение содержания стереотипа (Koch et al. 2016). Следует отметить, что в РФ и других посткоммунистических странах корреляция между статусом и компетентностью слабее, хотя она все еще остается обыденной (Grigoryan et al. 2020). В то время как недавно было экспериментально показано, социальное неравенство усиливает связь между воспринимаемым высоким доходом и компетентностью в США (см.: Connor et al. 2020). Характерный для посткоммунистических стран скепсис по отношению к меритократии на уровне общества ослабляет позитивные представления о компетентности, которые люди выводят из статуса группы.

** В частности более высокая оценка женщин по теплоте связана с тем, что они часто реализуют семейные и профессиональные роли, которые поощряют социальные навыки или способствуют общественному вкладу.

*** Например, социальные роли членов группы предоставляют информацию о межгрупповых отношениях.

Таблица 3

**Четыре квадранта теплоты и компетентности
в модели содержания стереотипов**

		Компетентность	
		Низкая	Высокая
Теплота	Высокая	<p><u>Стереотипы жалости</u> (патерналистские стереотипы)</p> <p>«слабо выраженная» аутгруппа: низкостатусные и неконкурентные группы</p> <p>(например, домохозяйки, пенсионеры, люди с ограниченными возможностями; животные: коровы, свиньи, утки)</p>	<p><u>Стереотипы восхищения</u> (стереотипы об ингруппе)</p> <p>ингруппа: высокостатусные и неконкурентные группы</p> <p>(например, ингруппа, ближайшие союзники; животные: кошки, собаки, обезьяны)</p>
	Низкая	<p><u>Стереотипы презрения</u></p> <p>«экстремально выраженная» аутгруппа: низкостатусные и конкурентные группы</p> <p>(например, бедные, мигранты, бездомные, наркоманы; животные: крысы, змеи, ящерицы)</p>	<p><u>Стереотипы зависти</u></p> <p>«средне выраженная» аутгруппа: высокостатусные и конкурентные группы</p> <p>(например, евреи, богатые, феминистки; животные: тигры, львы, медведи)</p>

мации (т.е. различие между группами и ролями), воспринимающие могут использовать любой из них для создания группового стереотипа, а когда они противоречивы, воспринимающие могут усреднить такую информацию (Koenig, Eagly 2019).

На содержании стереотипов также оставляет отпечаток коллективная память. Некоторые исторические события и ситуации, такие как социальная структура до Второй мировой войны или послевоенная миграция и территориальные изменения, могут быть связаны с современными

стереотипами. Исторические отношения предлагают наиболее очевидную и последовательную интерпретацию страновых и региональных различий в стереотипах. Местный исторический опыт населения формирует восприятие внешней группы, т.е. прошлое межгрупповых отношений можно увидеть сегодня в рамках стереотипов (Winiewski, Bulska 2019).

Таким образом стереотипы получают свое содержание из положения групп в социальной структуре, определяемого их историческими и современными межгрупповыми отношениями и типичными социальными ролями*. Сама же социальная структура в этом аспекте может быть описана в терминах *вертикального* и *горизонтального неравенства*. Статус (добровольно предоставленное уважение и престиж) и власть (контроль над ресурсами) образуют эти два вида неравенства и разделяют группы друг от друга (Fiske, Bai 2020). Вертикальное неравенство это относительная разница в нормативно приписанном (например, возрасту) или достигнутом статусе, оно имеет логическое обоснование в меритократии (т.е. достоинство, присваиваемая обществом). Горизонтальное неравенство представляет собой асимметрию власти и отражает взаимозависимость групп в форме конкуренции (чаще среди ненадежных и непохожих групп) или сотрудничества (чаще среди надежных и похожих групп).

Последствия различного содержания стереотипов. Получено большое количество свидетельств в пользу полезности выделения трех компонентов межгрупповой предвзятости и именно в такой каузальной последовательности (Cuddy et al. 2007; Fiske 2015): стереотипы (когнитивная предвзятость) → предубеждения (аффективная предвзятость) → дискриминация (поведенческая предвзятость). Четыре комбинации теплоты и компетентности сопровождаются отличающимися аффективными реакциями и поведенческими тенденциями (Cuddy et al. 2007; 2008; Fiske 2018): (1) аффективные реакции восхищения (восхищение и гордость); (2) аффективные реакции зависти (зависть и ревность); (3) аффективные реакции жалости (жалость и сочувствие); (4) аффективные реакции презрения (презрение и отвращение), которые согласно модели BIAS (*Behaviors from Intergroup Affect and Stereotypes*) предсказывают различные виды пове-

* Поэтому изменение стереотипов возможно через их источник, т.е. социальную структуру, а любые вмешательства, нацеленные на людей, обычно придерживающихся негативных стереотипов, имеют лишь кратковременную эффективность и могут быть даже контрпродуктивными. Например, некоторые исследования показывают: если людям говорить, что какой-либо стереотип — это просто распространённый стереотип, и чтобы не быть предвзятым, не следует им пользоваться, то люди впоследствии наоборот начинают только чаще его использовать (Koenig, Eagly 2019).

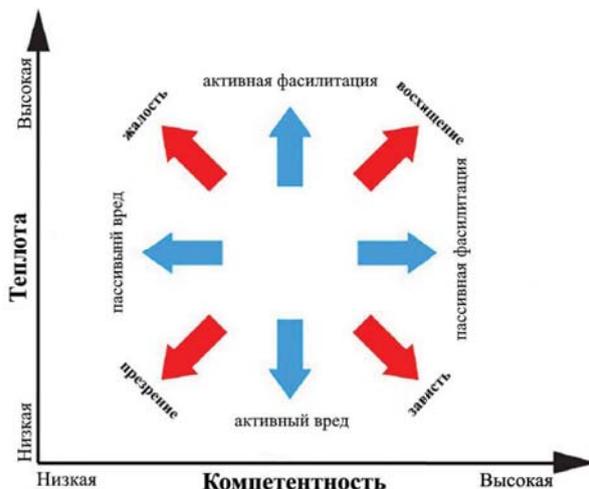

Рис. 1. Модель BIAS: когнитивная предвзятость → аффективная предвзятость → поведенческая предвзятость (Cuddy et al. 2007; 2008)

дения: (1) активная фасилитация (например, помощь и протекция); (2) пассивная фасилитация (например, сотрудничество и партнерство); (3) активный вред (например, нападение и противодействие); а также (4) пассивный вред (например, исключение и унижение), см. рис. 1.

Здесь поведение по-разному комбинирует интенсивность (активный/пассивный)* и валентность (фасилитация/вред). При этом теплота предсказывает активное поведение, потому что информация о ней более актуальна и, возможно, требует срочных действий. И наоборот, информация о компетентности с меньшей вероятностью потребует немедленных действий, поэтому ее восприятие предсказывает пассивное поведение. Исследования с применением нейровизуализации, электромиографии лица и других методов нейронаук также поддержали эти (и не только эти) положения MCC (Fiske et al. 2013) (см. также рис. 2)**.

* Интенсивность определяется тем, насколько явными и трудными представляются действия.

** Например, было показано как злорадство по поводу несчастья членов аут-группы из квадранта зависти сопряжено с повышенной активностью в областях мозга, связанных с переживанием удовольствия, а восприятие низкой теплоты и компетентности активно вовлечено в нейронную обработку в процессе дегуманизированного восприятия. Однако на основе некоторых новых данных, было

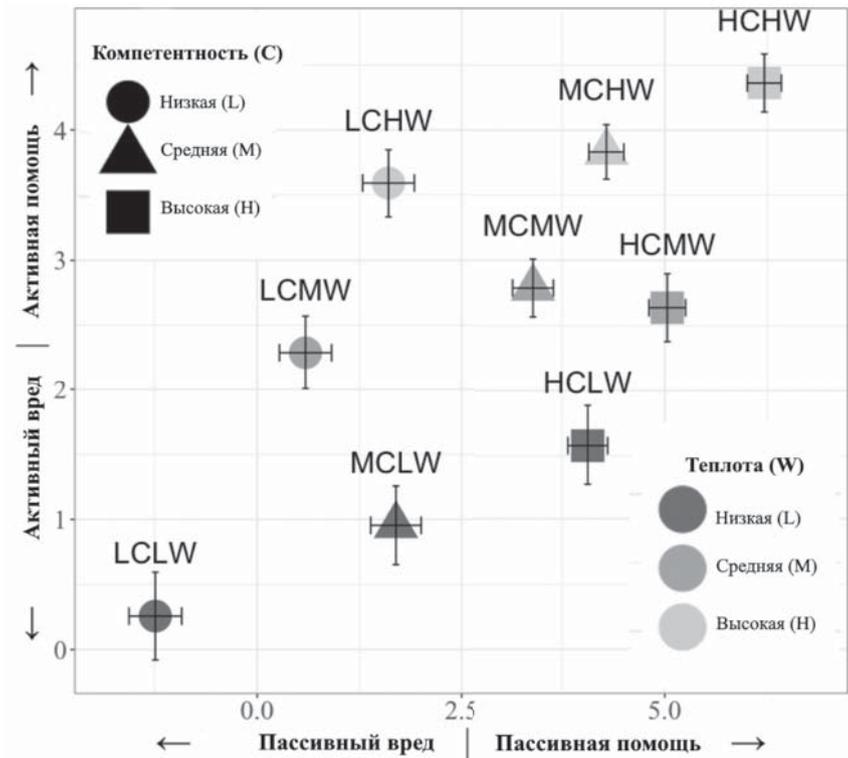

Рис. 2. Результаты проверки модели BIAS с помощью электроэнцефалографии (Simon et al. 2020)

Семантический дифференциал Ч. Осгуда, который определяет *оценку* (хорошо/плохо), *силу* (сильно/слабо) и *активность* (активно/пассивно),* можно соотнести с теплотой и компетентностью (Kervyn et al. 2013). Они не являются ни ортогональными, ни избыточными, а отражаются по диагоналям (рис. 3). Оценка следует от квадранта стереотипов презрения

высказано предположение, что МСС может применяться скорее только для прогнозирования поведенческих и эмоциональных реакций и активности ряда областей головного мозга в ответ на аутгруппы, но не ингруппы, реакции на которую качественно иные, в большей мере связанные с личным опытом, нежели со стереотипами (см. Dricu et al. 2020).

* Сила и активность в восприятии человека имеют тенденцию объединяться в динамизм.

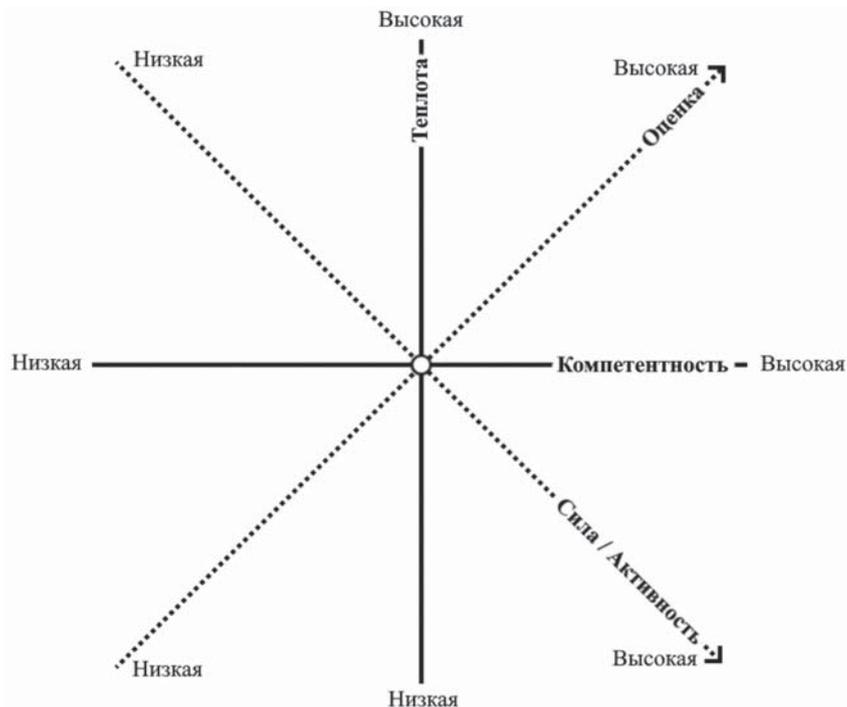

Рис. 3. Соотношение семантического дифференциала и МСС

(т.е. все плохо) до квадранта стереотипов восхищения (т.е. все хорошо), тогда как сила и активность — от квадранта стереотипов жалости (т.е. отсутствие угрозы) до квадранта стереотипов зависти (т.е. угроза).

В оценках теплоты и компетентности проявляются некоторые эффекты компенсации. Например, низкая оценка компетентности может повысить оценку теплоты и наоборот (Judd et al. 2005)*. Также оценки будут корректироваться в зависимости от доступного набора групп для сравнения (Kervyn et al. 2008).

* Соотношение семантического дифференциала и МСС хорошо демонстрирует этот эффект. Когда группа, изображенная в результате экспериментальных манипуляций, как более высокая по компетентности оценивается ниже по теплоте, и в обратном порядке с манипулированием теплотой — когда участники оценивают группу выше по теплоте и как более низкую по компетентности. Данный эффект компенсации служит мотивом поддержания как справедливости, так и коллективной самооценки.

Содержание этнических стереотипов в РФ

Особенности российского контекста. Россия является большой по территории страной, поэтому прямой межгрупповой контакт между этнически русскими (далее просто — русские) и другими этническими группами, проживающими в РФ ограничен. Согласно гипотезе контакта, сформулированной Г. Олпартом (1954), из-за ограниченности контактов русские должны достаточно часто использовать стереотипы, чтобы сформулировать какие-либо оценки других этнических групп*. Также к снижению позитивного эффекта межэтнического контакта могут привести исторически сложившиеся этнические иерархии, которые остаются типичными для пост-советской России (Hagendoorn et al. 1998). Например, этнические русские скорее категоризируют мигрантов с Северного Кавказа и иммигрантов из Центральной Азии в одну аутгруппу, в то время по-другому воспринимая иммигрантов из Беларуси и Украины (Grigoryev et al. 2018). Кроме того, проживающие в РФ этнические группы могут различаться по двум другим параметрам: их культурная дистанция и региональная неравномерность контактов с русскими.

В условиях минимального контакта наиболее вероятным источником разногласий являются различные предполагаемые межгрупповые угрозы, которые также формируют образ аутгрупп. Теория межгрупповых угроз делит все межгрупповые угрозы на два типа: символические (неосязаемые: угрозы идентичности, ценностям и мировоззрению) и реалистические (осязаемые: угрозу ресурсам и благополучию), а также они проявляют себя на групповом и индивидуальном уровне**. Оба типа угроз релевантны для РФ. Например, трудовые мигранты из бывших советских республик со сложной экономической ситуацией (осязаемая угроза) и они же часто мусульмане с отличающимися идентичностью и ценностями (символическая угроза).

Более того, воспринимаемые особенности региона проживания группы (бедный, экономически не развитый регион, мало природных ресурсов)

* О соотношении межгруппового контакта и МСС см.: (Kotzur et al. 2019). Люди больше пользуются стереотипами, когда они доступны и являются высокодиагностическими (т.е. высокоинформативными) в ситуации дефицита индивидуализирующей информации (т.е. информации об уникальных личных характеристиках целей) (Jussim et al. 2015).

** Эти различия в типах и уровнях угроз очень важны, так как разные типы угроз отличаются по своим последствиям (например, неосязаемые угрозы больше связаны с моральной оценкой аутгрупп) (Stephan, Mealy 2011).

сами по себе могут быть связаны с определенным содержанием стереотипов (Linssen, Hagendoorn 1994), возможно также через восприятие осязаемых (низкооплачиваемая трудовая конкуренция) и символических («отсталая» культура) угроз. Таким образом воспринимаемые структурные особенности региона, такие как социально и экономически (не)благоприятные условия, могут трансформироваться в стереотипные черты всего населения*. Иногда люди могут представить себе социально-экономическую ситуацию в регионе, связанном с конкретной этнической группой, лучше, чем черты этой группы. Поэтому оценка регионов как социально и экономически неблагоприятных может негативно ассоциироваться с компетентностью их населения.

Как было отмечено, ранее в РФ большое разнообразие образов этнических групп не было систематически каталогизировано. МСС предсказывает, что оценки групп будут располагаться в пространстве четырёх квадрантов особенно для стран с высоким уровнем неравенства доходов (Durante et al. 2013) и среднем уровне индекса глобального миролюбия (Global Peace Index, GPI) (Durante et al. 2017). Сравнивая с другими странами, коэффициент Джинни для РФ в 2015 году был 41.2**, что является средним уровнем неравенства (не такое высокое как в ЮАР, и не такое низкое как в Швеции), следовательно стоило ожидать присутствия амбивалентных (смешанных) стереотипов. Однако российский индекс GPI в 2018 году был 3.16*** (очень высокое значение), и поэтому стоило ожидать преимущественно неамбивалентные стереотипы.

Если сравнивать РФ с США, где было проведено большинство исследований в рамках МСС, обе страны имеют средний уровень неравенства и являются самыми милитаризованными странами в мире. Однако, в отличие от США, уровень GPI в РФ низкий, а в США средний. Кроме того, согласно Всемирному обзору ценностей (World Value Survey), РФ и США находятся в противоположных квадрантах ценностных полюсов «традиционные/секулярные ценности» и «ценности выживания/самовыражения». К тому же РФ одно время показывала обратный мировому тренду курс, и сейчас продолжает двигаться в сторону большей выраженности традиционных ценностей (Inglehart 2018). Кроме того, РФ и США

* Пример того, как специфическая экология может вызывать стереотипы: (см. Williams et al. 2016).

** См.: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2172.html>.

*** См.: <https://www.economicsandpeace.org/reports/>.

Рис. 4. Сравнение РФ и США по шести измерениям Г. Хофстеде

очень различны по всем шести культурным измерениям Г. Хофстеде (рис. 4)*.

Таким образом, особенно учитывая большую этническую гетерогенность, РФ представляется уникальным и крайне важным кейсом для тестирования основных положений МСС.

Основные ожидания относительно применения МСС в РФ. Одной из целей исследования, проведенного Д. Григорьевым, С. Фиск и А. Батхиной в РФ, было создание российской карты содержания этнических стереотипов, чтобы понять, как различные этнические группы, располагаются в рамках пространства «теплоты—компетентности» согласно МСС (Grigoryev et al. 2019)**. В соответствии с МСС определенные этнические

* См.: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/russia,the-usa/>.

** Важно отметить, что в этом исследовании, в соответствии с оригинальной методикой МСС (Fiske et al. 2002), использовалась инструкция, когда респонденты отвечали как на их взгляд большинство русских, а не они сами, оценивают по теплоте и компетентности этнические группы (т.е. это то, что в литературе часто обозначают как «общекультурные (или консенсуальные) стереотипы»). В настоящее время, есть мнение, что личные и общекультурные стереотипы это два принципиально разных конструкта, которые важно рассматривать раздельно. Личные стереотипы об аутгруппах, как правило, более позитивные, чем общекультурные (например, Kotzur et al., 2020). Первые, по-видимому, больше окрашены персональным опытом и индивидуальными различиями, а последние больше связаны с реальным положением групп в социальной структуре и лучше передают нормативный контекст.

группы могут располагаться в разных квадрантах стереотипов (см. например: Lee, Fiske 2006), подобная дифференциация ожидалась и для РФ. Некоторые универсальные паттерны были найдены ранее в разных странах (см. например: Cuddy et al. 2008; 2009; Grigoryan et al. 2020; Fiske 2017; Fiske, Durante 2016; Stanciu et al. 2017), что должно также характеризовать восприятие других групп у русских в РФ*.

Культурная дистанция может иметь существенные последствия для межкультурных отношений (Grigoryev et al. 2018). Как известно, РФ является не только поликультурной, но и поликонфессиональной страной, и религия для русских может связывать этнические группы даже больше, чем территориальная близость и экономическое сотрудничество. Рассматривая религию как показатель культурной дистанции (или непосредственно затрагивая религиозную дистанцию), можно использовать данные переписи населения для классификации этнических групп по религиозным конфессиям. Русские могут по-разному оценивать христианские группы и представителей других религий (см. также: Grigoryan 2019; 2020), поскольку русские являются преимущественно православными христианами и эта конфессия оказала сильное влияние на русскую культуру. Более того, они достаточно хорошо угадывают религиозную принадлежность других этнических групп (Grigoryev et al. 2018). Так, религиозные различия могут быть источником антипатии из-за воспринимаемых межгрупповых различий (в ценностях, убеждениях, установках).

Классическая дихотомия «ингруппа—аутгруппа» может проявляться в оценках. В целом, индигенные этнические группы, т.е. которые проживают в РФ как коренные жители, должны были иметь более высокие

* Например, русские как ингруппа (т.е. автостереотипы) и исторические союзники (например, белорусы, украинцы) должны располагаться в кластере, соответствующем высокой компетентности и высокой теплоте (HC-HW). Евреи, восточные азиаты (например, японцы, китайцы) и жители развитых стран Запада (например, немцы, англичане) должны располагаться в кластере, соответствующем высокой компетентности и низкой теплоте (HC-LW). Некоторые группы коренного населения РФ (например, буряты, удмурты) должны располагаться в кластере, соответствующем низкой компетентности и высокой теплоте (LC-HW). Наконец, стигматизированные и конфликтные группы (например, цыгане, чеченцы) и группы, связанные с иммигрантами, имеющими низкоквалифицированную работу (например, узбеки, таджики), должны находиться в кластере, соответствующем низкой компетентности и низкой теплоте (LC-LW). Кроме того, российский GPI, указывающий на высокий уровень конфликта, предполагает малое количество амбивалентных (смешанных) стереотипов, а в основном неамбивалентные стереотипы.

оценки, чем другие этнические группы*. Кроме того, из-за увеличения межгруппового контакта более многочисленные этнические группы в среднем должны иметь более высокие оценки, чем малочисленные группы.

Результаты составления карты МСС в РФ. Для участников опроса, проведенного Д. Григорьевым, С. Фиск и А. Батхиной в 2018 году, относительно оценки ими мнения большинства русских было сложнее всего сообщить о тувинцах, аргентинцах, удмуртах, венграх и коми (Grigoryev et al. 2019). Напротив, чеченцы, армяне, немцы, сами русские и грузины, не вызвали затруднений при ответах. Размер группы сопровождался сообщениями о более легкой оценке целевых групп русскими (т.е. упоминание групп, которые трудно оценить, отрицательно коррелировало с количеством иммигрантов согласно статистике 2017 г.). Численность целевых групп по данным переписи была положительно коррелирована с оценкой компетентности и теплоты. Другими словами, крупные этнические группы оценивались более позитивно и последовательно. Кроме того, этнические группы, которые проживают в РФ как коренные жители, были оценены как более теплые, чем другие этнические группы, но не более компетентные. Религия группы имела последствия для оценки теплоты и компетентности. Исламские группы были оценены как менее компетентные, чем западные христианские группы. Группы восточных христиан также были оценены как более теплые, чем группы западных христиан и исламские группы.

Таким образом, все предположения относительно межгруппового сходства и близости (религиозная принадлежность или культурная дистанция, а также дихотомия «ингруппа—аутгруппа») были поддержаны. Исламские группы были оценены хуже, чем западные христианские группы, а западные христианские группы — хуже, чем восточные христианские группы. В других странах население также оценивают представителей своей религиозной группы как более компетентных и более теплых (Fiske 2017; Fiske, Durante 2016). Это также соответствует результатам воспринимаемого сходства при множественной категоризации в РФ (Grigoryan 2019). Сама по себе культурная дистанция между группами в РФ также отрицательно предсказывает теплоту, что соответствует предположению: культурно близкие группы воспринимаются как более дружелюбные и оцениваются более позитивно (см. также: Grigoryan 2019; 2020).

* Например, татары, чуваша, калмыки, даргинцы, якуты и другие этнические группы должны в среднем оцениваться выше поляков, арабов, болгар, испанцев, японцев и т.д.

Воспринимаемые межгрупповые различия, которые можно рассматривать как более конкретное расширенное понимание различий, проводимое людьми между ингруппой и аутгруппой («Мы против Них»), является главным кандидатом в качестве основного организующего принципа всех установок между различными группами в культурно гетерогенных обществах. Группы различаются по положению, которое они занимают в обществе, и которое определяется разделяемыми в обществе представлениями о различиях между группами, составляющими это общество. Ранее также были свидетельства, что недоминирующие группы, которые воспринимались как менее отличающиеся от членов доминирующей группы, были оценены как менее угрожающие, более теплые и более компетентные. Это соотносится с литературой о так называемой этнической иерархии, которая поддерживает предположение о том, что между группами существует довольно высокий уровень консенсуса в отношении межгрупповых различий, а этническая иерархия предполагает социальный порядок групп на основе этих воспринимаемых различий между группами (Hagendoorn et al. 1998).

Для групп, проживающих за пределами РФ, более высокий уровень ВВП на душу населения и более низкая среднегодовая температура в странах их проживания вместе положительно предсказывали воспринимаемую компетентность группы, что соответствует гипотезе поляризации «Север — Юг» в стереотипах (например, проживающих в более жарких странах воспринимают как более ленивых) и воспринимаемого экономического положения стран (Linszen, Hagendoorn 1994).

Расположение этнических групп на карте МСС показано на рисунке 5. Основываясь на этих результатах, можно сказать, что большинство групп имеет неамбивалентные стереотипы, некоторые являются амбивалентными по типу HC-LW, однако не было кластера, который бы показал амбивалентность по типу LC-HW.

Из 60 оцененных групп только 16 могут быть классифицированы как имеющие амбивалентные стереотипы. Девять групп* были значимо оценены более компетентными, чем теплыми. Пять групп высокой компетентности показали наибольшую разницу между компетентностью и теплотой: евреи, японцы, немцы, китайцы, англичане. Несмотря на меньшую абсолютную величину, пять групп с высокой теплотой имели наибольшую разницу между показателями компетентности и теплоты: чукчи, африканцы, буряты, удмурты, якуты. Одним из критериев амби-

* Евреи, японцы, немцы, китайцы, англичане, американцы, финны, корейцы и французы.

вает на низкую амбивалентность стереотипов по сравнению с США, но не настолько высокую, чтобы сказать, что раздельное рассмотрение теплоты и компетентности в оценки является излишним. Эта корреляция соответствует российскому GPI лучше, чем российскому коэффициенту Джини*. Уровень межэтнической напряженности в РФ все еще высок (Batkina 2020; Minescu, Poppe 2011), что требует более строгого разделения между предпочтительными группами и наличия преимущественно неамбивалентных негативных стереотипов, т.е. паттерна «Мы против Них».

Небольшое количество этнических групп из экономически развитых стран**, которые были расположены в кластере HC-LW, имели смешанные стереотипы. Другие этнические группы имели строгую диагональную иерархию неамбивалентных стереотипов: от православных славянских групп (HC-HW) до социально исключенных и конфликтных групп (LC-LW). В основном коренные народы РФ и группы восточных христиан находились в квадранте MC-MW, тогда как квадрант LC-HW вообще не появился. Большинство точек данных различаются между собой, что напоминает карты содержания стереотипов в других странах: успешные иностранцы в квадранте HC-LW (например, китайцы, немцы, финны); африканцы и турки в квадранте LC-LW; итальянцы в квадранте LC-HW (или MC-MW); и союзники в квадранте HC-HW (Bergsieker et al. 2012; Cuddy et al. 2009; Lee, Fiske 2006).

Только три группы вошли в наиболее позитивный кластер стереотипов восхищения: русские (автостереотипы), белорусы и сербы. Таким образом, этот кластер содержал православные славянские народы (так называемые «братские народы»), исключение составили украинцы (MC-MW). Хотя некоторое время назад украинцы оставались крайне позитивно (Hagendoorn et al. 1998), кризис в российско-украинских отношениях и растущий негативный дискурс об Украине и украинцах в СМИ могли привести к этим драматическим изменениям.

Как правило, индивидуалистические страны склонны оценивать себя как более компетентных, тогда как коллективистские страны — как более теплых (Cuddy et al. 2009). В то же время русские оценивали себя чрезвычайно высоко, как в компетентности, так и в теплоте. Это может быть

* Более того, GPI РФ столь же высок, как и у Пакистан, близок к Ираку и приближается к Афганистану, причем все эти страны также имеют умеренно сильную корреляцию теплоты и компетентности, так что она в РФ соответствует ее профилю.

** Например, США, Германии, Франции, Японии, Китая и т.д.

связано с тем, что в постсоветской России трансформация ценностей все еще продолжается, и в настоящее время российское общество находится на границе между индивидуалистическими и коллективистскими странами. Кроме того, тенденция, заложенная в Советском Союзе, может сохраняться, когда, несмотря на политику сохранения культурного многообразия, русские чувствуют себя на самой высокой позиции в национальной иерархии (Tishkov 1994).

Изначальное предположение о группах коренного населения не подтвердилось: они находятся в кластере MC-MW, в то время как кластер LC-NW вообще не появился. Другая кластеризация, отличающаяся от западных стран, является нормальной с точки зрения культурных различий (Fiske, Durante 2016). Например, в восточных странах различные кластерные решения были также получены в нескольких исследованиях. Это также нормально, потому что нечасто какая-либо нация располагает этнические группы в квадранте LC-NW (квадрант жалости; см.: Cuddy et al. 2008), который чаще соответствуют вполне определенным социальным группам, таким как дети, старики и люди с ограниченными возможностями.

Коренные народы РФ (например, чукчи, коми, буряты) были оценены как более теплые, но менее компетентные, чем представители некоторых зарубежных стран (например, итальянцы, словаки, испанцы). Это соответствует обыденному отношению этнических русских к коренному населению (Tishkov 1994)*. Кроме того, в кластере MC-MW можно обнаружить этнические группы, которые, казалось бы, не имеют ничего общего. Таким образом, одним из объяснений может быть то, что эти социальные категории для оценивающих не были достаточно заметными, и в результате их ответы были в целом нейтральными. Аналогичные результаты появляются в США: в соответствии, например, с нейтральными оценками коренных американцев на северо-востоке, где они не являются значимыми (Fiske et al. 2002), по сравнению с дифференцированными на юго-западе, где они заметны (Burkley et al. 2017).

Как и ожидалось, социально исключенные и конфликтные группы находятся в кластере LC-LW. Многие из этих групп** также имеют преимущественно негативный образ в российских СМИ. Кроме того, в недавнем исследовании содержания стереотипов в РФ, в которое вошли российские социальные группы, такие группы как мигранты, мусульмане

* Например, в РФ, широко распространены анекдоты о чукчах, в которых их изображают как недалеких.

** Например, узбеки, таджики, азербайджанцы.

и кавказцы, также находятся в кластере LC-LW (Grigoryan et al. 2020). Жители стран Балтии и поляки оказались в этом же худшем кластере, хотя они не являются ни стигматизированными группами, ни нелегальными иммигрантами, которые традиционно получают самые низкие оценки (Durante et al. 2013). Эти негативные стереотипы могут быть связаны с проблемами отношений РФ с бывшими постсоветскими республиками и странами социалистического блока, а также с межгрупповой поляризацией, которая произошла после распада Советского Союза (Nagendoorn et al. 1998). Как и в случае с Украиной, подобными последствиями для низкой оценки турок мог быть недавний конфликт с Турцией.

Несколько этнических групп из экономически развитых стран имели смешанные стереотипы. Стереотипы зависти объединяют компетентность с холодностью, изображая эти этнические группы как сильных, корыстных конкурентов с негативными намерениями по отношению к русским (Cuddy et al. 2008). Когда корреляция «теплоты—компетентности» варьируется от умеренной до сильной, как в РФ, это указывает, что распределение групп в пространстве «теплоты—компетентности» стремится к вектору, а не к облаку точек. В таких случаях вектор минимизирует амбивалентные кластеры и почти всегда исчезает амбивалентный кластер — квадрант стереотипов жалости (т.е. LC-HW), но квадрант стереотипов зависти (т.е. HC-LW) обычно остается, как и здесь (Durante et al. 2017).

Дальнейший анализ показал, что статус (социальные ресурсы и престиж) лучше остальных antecedентов предсказывал содержание этнических стереотипов в РФ. Статус создает психологическую дистанцию и различия, которые являются относительно автоматическими и спонтанными, он играет важную роль в категоризации этнических групп в РФ (Grigoryan 2019, 2020). Это может описать сильную иерархию российского общества и большую дистанцию власти, которая, как правило, приводит к тому, что группы с высоким статусом воспринимаются более позитивно (Minescu, Poppe 2011). Более того, тесная связь между статусом и компетентностью может свидетельствовать о мотивации для оправдания социальной системы (Oldmeadow, Fiske 2007).

Заключение

Подводя итог, можно заключить, что содержание стереотипов формирует социальная структура, отражающая исторически сложившийся социальный порядок в конкретном обществе. Положения МСС были успешно проверены в различных контекстах (см., например: Fiske, Durante

2016) и с использованием различных методов (см., например: Fiske et al. 2013). За все эти годы МСС также успешно справилась с критикой (Ellemers et al. 2020; Fiske, Bai 2020) как со стороны модели семантического дифференциала (см.: Kervyn et al. 2013), так и со стороны модели ABC (см.: Koch et al. 2016). МСС также оказалась плодотворной применительно к объяснению содержания этнических стереотипов в РФ (см.: Grigoryev et al., 2019).

Основные выводы относительно МСС и этнических стереотипов в РФ. Конкретные этнические группы имеют стереотипы, которые значительно различаются в зависимости от культуры (Fiske 2017), а какое-либо планирование практических шагов в сложных межгрупповых контекстах может основываться лишь на знании того, как группы видят друг друга. Попасть в незнакомый контекст можно легко, зная социальную карту расположения групп в пространстве «теплоты—компетентности». В этом отношении подобные культурные карты полезны так же как, и географические (Fiske, Durante 2016). Оценки теплоты и компетентности в содержании этнических стереотипов в РФ отличали группы друг от друга, хотя эти два аспекта были умеренно сильно коррелированными. Кроме того в очередной раз проявили себя хорошо установленные общие механизмы религиозного и культурного сходства, положения «игруппа—аутгруппа» и статуса. Возможно, эволюционный источник происхождения сходств и статусных отношений обеспечивает универсальные паттерны в разных культурных контекстах. Обнаружение друга или врага и оценка его потенциального агентства может иметь адаптивное (т.е. функциональное) назначение.

Также можно говорить о последствиях исторического контекста (например, межэтнические отношения в Советском Союзе и после) и текущей геополитической ситуации (например, украинско-российский кризис, российско-турецкий конфликт и т.д.). В условиях неамбивалентных этнических стереотипов, как в РФ, любые конфликтные ситуации, вероятно, приводят к стремительному и согласованному сдвигу в сторону более низкой оценки.

Направления будущих исследований этнических стереотипов в РФ. Описанные выше результаты могут стать отправной точкой для будущих исследований межкультурных и межэтнических отношений в РФ со сравнительной точки зрения. Кроме того, в случае РФ может иметь значение место жительства респондентов. В РФ есть регионы с преимущественно русским населением и национальные республики, где большинство представлено другой этнической группой, также разные регионы имеют разное количество определенных групп иммигрантов. Дальнейший межрегио-

нальный анализ* может расширить понимание некоторых возможных вариаций этнических стереотипов в РФ**.

Также отдельной большой работы требует сопоставление полученных результатов в рамках МСС с обширными результатами, полученными ранее отечественными исследователями, которые длительное время занимаются межкультурными и межэтническими отношениями в РФ (в том числе и стереотипами) (например, В.В. Гриценко, Л.М. Дробижевой, И.М. Кузнецовым, Н.М. Лебедевой, Н.С. Мاستиковой, Э.А. Паиным, Л.Г. Почебут, Г.У. Солдатовой, Т.Г. Стефаненко, В.А. Тишковым, В.Ю. Хотинец, О.Е. Хухлаевым, М.Ф. Чернышом и др.), а также результатами мониторингов распространенности ксенофобии, регулярно проводимыми, например, ВЦИОМ и «Левада-центром».

Изменение содержания стереотипов в РФ. Если говорить об изменении содержания стереотипов, невыгодных для некоторых социальных групп, то, как отмечалось выше, содержание стереотипов может измениться, если вмешиваться в его источник, а не воздействовать на воспринимающих, которые уже приобрели стереотипы. Изменения в источнике потребуют изменения межгрупповых отношений группы или типичных для нее социальных ролей (Koenig, Eagly 2019).

Непосредственное изменение межгрупповых отношений возможно, хотя и сложно. Например, узбеки, как самая большая по численности группа иммигрантов в РФ и находящаяся в квадранте стереотипов презрения, могут получить статус, аналогичный статусу большинства россиян, если профессии, типичные для иммигрантов из Узбекистана, будут иметь статус сопоставимый с более высококвалифицированными профессиями, более типичными для большинства россиян***. Социальная политика может привнести к скромным изменениям статуса. Например, благодаря закону о МРОТ, который увеличит оплату труда менее квалифицированных профессий. Хотя учитывая социоэкономическую ситуацию в РФ, изменение распространенности социальных ролей в группе кажется более вероятным путем к изменению стереотипов. Так со временем члены группы могут приобрести социальные роли, требующие более высокого

* Автор настоящего обзора открыт к сотрудничеству для любых дальнейших исследований в рамках МСС в регионах РФ. Также новые исследования о связи этнических стереотипов и межкультурных отношений будут доступны по ссылке: <https://www.frontiersin.org/research-topics/12815/>

** Так например, предоставлены некоторые свидетельства внутрикультурной вариации в содержании стереотипов (см.: Stanciu et al. 2017).

*** Например, в аспекте сокращения разрыва в заработной плате.

уровня навыков и образования. Такие изменения в заполнении социальных ролей потребуют улучшения доступа иммигрантов из Узбекистана к соответствующим возможностям (например, к образованию и повышению квалификации), вероятно, с помощью позитивных действий и квот.

Итак, содержание стереотипов не является ни таинственным, ни произвольным, а систематически следует из расположения групп в социальной структуре. Таким образом, стереотипы являются культурным и символическим следом типичного социального положения членов группы.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-113-50258.

Благодарность

Автор благодарит Сьюзен Фиск (Университет Принстона) и Анастасию Батхину (НИУ ВШЭ) за их ценный вклад в изучение содержания этнических стереотипов в России.

Литература / References

Bai X., Ramos M.R., Fiske S.T. (2020). As diversity increases, people paradoxically perceive social groups as more similar. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 117: 12741–12749.

Batkhina A. (2020) Values and communication apprehension as antecedents of conflict styles in intercultural conflicts: A study in Germany and Russia. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 26: 22–34.

Bergsieker H.B., Leslie L.M., Constantine V.S., Fiske S.T. (2012) Stereotyping by omission: Eliminate the negative, accentuate the positive. *Journal of Personality and Social Psychology*, 102: 1214–1238.

Berry J.W. (1970) A functional approach to the relationship between stereotypes and familiarity. *Australian Journal of Psychology*, 22: 29–33.

Burkley E., Durante F., Fiske S.T., Burkley M., Andrade A. (2017) Structure and content of Native American stereotypic subgroups: Not just (ig)noble. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 23: 209–219.

Clausell E., Fiske S.T. (2005) When do subgroup parts add up to the stereotypic whole? Mixed stereotype content for gay male subgroups explains overall ratings. *Social Cognition*, 23: 161–181.

Connor P., Varney J., Keltner D., Chen S. (2020) Social class competence stereotypes are amplified by socially signaled economic inequality. *Personality and Social Psychology Bulletin*, (in press).

Cuddy A.J.C., Fiske S.T., Glick P. (2007) The BIAS map: Behaviors from intergroup affect and stereotypes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 92: 631–648.

Cuddy A.J.C., Fiske S.T., Glick P. (2008) Warmth and competence as universal dimensions of social perception: The Stereotype Content Model and the BIAS map. *Advances in Experimental Social Psychology*. Elsevier, 40: 61–149.

Cuddy A.J.C., Fiske S.T., Kwan V.S.Y., Glick P., Demoulin S., Leyens J.-P., ... Ziegler R. (2009) Stereotype Content Model across cultures: Towards universal similarities and some differences. *British Journal of Social Psychology*, 48: 1–33.

Dricu M., Schüpbach L., Bristle M., Wiest R., Moser D.A., Aue T. (2020) Group membership dictates the neural correlates of social optimism biases. *Scientific Reports*, 10: 1–17.

Durante F., Fiske S.T., Gelfand M.J., Crippa F., Suttora C., Stillwell A., ... Teymoori A. (2017) Ambivalent stereotypes link to peace, conflict, and inequality across 38 nations. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 114: 669–674.

Durante F., Fiske S.T., Kervyn N., Cuddy A.J.C., Akande A.D., Adetoun B.E., ... Storari C.C. (2013) Nations' income inequality predicts ambivalence in stereotype content: How societies mind the gap. *British Journal of Social Psychology*, 52: 726–746.

Durante F., Volpato C., Fiske S.T. (2009) Using the Stereotype Content Model to examine group depictions in Fascism: An archival approach. *European Journal of Social Psychology*, 40: 465–483.

Eckes T. (2002) Paternalistic and envious gender stereotypes: Testing predictions from the Stereotype Content Model. *Sex Roles*, 47: 99–114.

Ellemers N., Fiske S.T., Abele A.E., Koch A., Yzerbyt V. (2020) Adversarial alignment enables competing models to engage in cooperative theory building toward cumulative science. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 117: 7561–7567.

Fiske S.T. (2015) Intergroup biases: A focus on stereotype content. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 3: 45–50.

Fiske S.T. (2017) Prejudices in cultural contexts: Shared stereotypes (gender, age) versus variable stereotypes (race, ethnicity, religion). *Perspectives on Psychological Science*, 12: 791–799.

Fiske S.T. (2018) Stereotype content: Warmth and competence endure. *Current Directions in Psychological Science*, 27: 67–73.

Fiske S.T., Ames D.L., Cikara M., Harris L.T. (2013) Scanning for scholars: How neuro-imaging the mPFC provides converging evidence for interpersonal stratification. In: Derks B., Scheepers D., Ellemers N. (eds.). *Neuroscience of Prejudice and Intergroup Relations*. New York: Psychology Press, 89–109.

Fiske S.T., Bai X. (2020) Vertical and horizontal inequality are status and power differences: Applications to stereotyping by competence and warmth. *Current Opinion in Psychology*, 33: 216–221.

Fiske S.T., Bergsieker H.B., Russell A.M., Williams L. (2009) Images of Black Americans: Then, “them,” and now, “Obama!”. *Du Bois Review: Social Science Research on Race*, 6: 83–101.

Fiske S.T., Cuddy A.J.C., Glick P. (2007) Universal dimensions of social cognition: Warmth and competence. *Trends in Cognitive Sciences*, 11: 77–83.

Fiske S.T., Cuddy A.J.C., Glick P., Xu J. (2002) A model of (often mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition. *Journal of Personality and Social Psychology*, 82: 878–902.

Fiske S.T., Durante F. (2016) Stereotype content across cultures: Variations on a few themes. In: Gelfand M.J., Chiu C.-Y., Hong Y.-Y. (eds.). *Handbook of Advances in Culture and Psychology*. Vol. 6. New York: Oxford University Press: 209–258.

Froehlich L., Schulte I. (2019) Warmth and competence stereotypes about immigrant groups in Germany. *PLOS ONE*, 14: 1–17.

Grigoryan L. (2019) Perceived similarity in multiple categorization. *Applied Psychology*, (in press).

Grigoryan L. (2020) Crossed categorization outside the lab: Findings from a factorial survey experiment. *European Journal of Social Psychology*, (in press).

Grigoryan L., Bai X., Fiske S.T., Durante F., Fabrykant M., Kotova M., ... Samekin A. (2020) Stereotypes as historical accidents: Images of social class in post-communist versus capitalist societies. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 46: 927–943.

Grigoryev D., Fiske S.T., Batkhina A. (2019) Mapping ethnic stereotypes and their antecedents in Russia: The Stereotype Content Model. *Frontiers in Psychology*, 10: 1–21.

Grigoryev D., van de Vijver F., Batkhina A. (2018) Discordance of acculturation attitudes of the host population and their dealing with immigrants. *Journal of Intercultural Communication Research*, 47: 491–509.

Hagendoorn L., Drogendijk R., Tumanov S., Hraba J. (1998) Inter-ethnic preferences and ethnic hierarchies in the former Soviet Union. *International Journal of Intercultural Relations*, 22: 483–503.

Hinton P.R. (2013) *Stereotypes, Cognition and Culture*. New York: Psychology Press.

Imhoff R., Koch A. (2017) How orthogonal are the Big Two of social perception? On the curvilinear relation between agency and communion. *Perspectives on Psychological Science*, 12: 122–137.

Inglehart R.F. (2018) Modernization, existential security, and cultural change: Reshaping human motivations and society. In: Gelfand M.J., Chiu C.-Y., Hong Y.-Y. (eds.) *Handbook of Advances in Culture and Psychology*. Vol. 7. New York: Oxford University Press.

Judd C.M., James-Hawkins L., Yzerbyt V.Y., Kashima Y. (2005) Fundamental dimensions of social judgment: Understanding the relations between judgments of competence and warmth. *Journal of Personality and Social Psychology*, 89: 899–913.

Jussim L., Crawford J.T., Rubinstein R.S. (2015) Stereotype (in)accuracy in perceptions of groups and individuals. *Current Directions in Psychological Science*, 24: 490–497.

Kervyn N., Fiske S.T., Malone C. (2012) Brands as intentional agents framework: How perceived intentions and ability can map brand perception. *Journal of Consumer Psychology*, 22: 166–176.

Kervyn N., Fiske S.T., Yzerbyt V.Y. (2013) Integrating the Stereotype Content Model (warmth and competence) and the Osgood semantic differential (evaluation, potency, and activity). *European Journal of Social Psychology*, 43: 673–681.

Kervyn N., Fiske S.T., Yzerbyt V. (2015) Forecasting the primary dimension of social perception: Symbolic and realistic threats together predict warmth in the Stereotype Content Model. *Social Psychology*, 46: 36–45.

Kervyn N., Yzerbyt V.Y., Demoulin S., Judd C.M. (2008) Competence and warmth in context: The compensatory nature of stereotypic views of national groups. *European Journal of Social Psychology*, 38: 1175–1183.

Kirkegaard E.O.W., Bjerrekær J.D. (2016) Country of origin and use of social benefits: A large, preregistered study of stereotype accuracy in Denmark. *Open Differential Psychology*, 1–19.

Kirkegaard E.O.W., Carl N., Bjerrekær J.D. (2020) Are Danes' immigration policy preferences based on accurate stereotypes? *Societies*, 10: 1–20.

Koch A., Imhoff R., Dotsch R., Unkelbach C., Alves H. (2016) The ABC of stereotypes about groups: Agency/socio-economic success, conservative-progressive Beliefs, and Communion. *Journal of Personality and Social Psychology*, 110: 675–709.

Koenig A.M., Eagly A.H. (2019) Typical roles and intergroup relations shape stereotypes: How understanding social structure clarifies the origins of stereotype content. *Social Psychology Quarterly*, 82: 205–230.

Kotzur P.F., Schäfer S.J., Wagner U. (2019) Meeting a nice asylum seeker: Intergroup contact changes stereotype content perceptions and associated emotional prejudices, and encourages solidarity-based collective action intentions. *British Journal of Social Psychology*, 58: 668–690.

Kotzur P.F., Veit S., Namyslo A., Holthausen M.-A., Wagner U., Yemane R. (2020) "Society thinks they are cold and/or incompetent, but I do not": Stereotype content ratings depend on instructions and the social group's location in the stereotype content space. *British Journal of Social Psychology*, (in press).

Lee T.L., Fiske S.T. (2006) Not an outgroup, not yet an ingroup: Immigrants in the Stereotype Content Model. *International Journal of Intercultural Relations*, 30: 751–768.

Linsen H., Hagendoorn L. (1994) Social and geographical factors in the explanation of the content of European nationality stereotypes. *British Journal of Social Psychology*, 33: 165–182.

Lu J.G., Liu X.L., Liao H., Wang L. (2020) Disentangling stereotypes from social reality: Astrological stereotypes and discrimination in China. *Journal of Personality and Social Psychology*, (in press).

Martin A.E., Slepian M.L. (2020) The primacy of gender: Gendered cognition underlies the Big Two dimensions of social cognition. *Perspectives on Psychological Science* (in press).

McGarty C., Yzerbyt V.Y., Spears R. (eds.) (2002) *Stereotypes as Explanations: The Formation of Meaningful Beliefs about Social Groups*. Cambridge: Cambridge University Press.

Minescu A., Poppe E. (2011) Intergroup conflict in Russia: Testing the Group Position Model. *Social Psychology Quarterly*, 74: 166–191.

Oldmeadow J., Fiske S.T. (2007) System-justifying ideologies moderate status = competence stereotypes: Roles for belief in a just world and social dominance orientation. *European Journal of Social Psychology*, 37: 1135–1148.

Operario D., Fiske S.T. (2004) Stereotypes: Content, structures, processes, and context. In: Brewer M.B., Hewstone M. (eds.) *Social Cognition. Perspectives on Social Psychology*. Oxford: Blackwell: 120–141.

Pancorbo G.P., Schmitz M., Nightingale I., Palacios A.M., Espinosa A. (2019) Stereotypes and valuations of Peruvian social groups in a sample of wealthy people from Lima. *Liberabit*, 25: 159–178.

Quillien T. (2018) Psychological essentialism from first principles. *Evolution and Human Behavior*, 39: 692–699.

Sevillano V., Fiske S.T. (2016) Warmth and competence in animals: Social perception of animals. *Journal of Applied Social Psychology*, 46: 276–293

Shen X., Lv X., Lin S., Li C. (2019) Application of the Stereotype Content Model to destination image: Evidence from residents of mainland China. *Journal of Destination Marketing & Management*, 14: 1–10.

Simon E.L. (Ed.) (2011) *Psychology of Stereotypes*. New York: Nova Science Publishers.

Simon J.C., Styczynski N. Gutsell J.N. (2020) Social perceptions of warmth and competence influence behavioral intentions and neural processing. *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*, (in press).

Stanciu A., Cohrs J.C., Hanke K., Gavreliuc A. (2017) Within-culture variation in the content of stereotypes: Application and development of the stereotype content model in an Eastern European culture. *The Journal of Social Psychology*, 157: 611–628.

Stephan W.G., Mealy M.D. (2011) Intergroup Threat Theory. In: Christie D.J. (ed.). *The Encyclopedia of Peace Psychology*. Oxford: Blackwell.

Tishkov V. (1994) *Nationalities and Conflicting Ethnicity in Post-Communist Russia*. Switzerland: United Nations Research Institute for Social Development.

Williams K.E.G., Sng O., Neuberg S.L. (2016) Ecology-driven stereotypes override race stereotypes. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 113: 310–315.

Winiewski M., Bulska D. (2019) Stereotype content as a collective memory of place and its past intergroup relations. *Social Psychological Bulletin*, 14: 1–27.

Wu S.J., Bai X., Fiske S.T. (2018) Admired rich or resented rich? How two cultures vary in envy. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 49: 1114–1143.

THE STEREOTYPE CONTENT MODEL AND ETHNIC STEREOTYPES IN RUSSIA

Dmitry Grigoryev (dgrigoryev@hse.ru)

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Citation: Grigoryev D. Model' soderzhaniya stereotipov i etnicheskiye stereotipy v Rossii [The Stereotype Content Model and Ethnic Stereotypes in Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(2): 215–244 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.9>

Abstract. This review paper introduces readers with the current state of research in the Stereotype Content Model framework (SCM) and some experience of its application to explain the content of ethnic stereotypes in Russia. Descriptions were provided to two basic components of social cognition (warmth and competence), their antecedents (interdependence and status) and consequences (according to the BIAS map), as well as possible compensation effects. The SCM for ethnic stereotypes of ethnic Russians was used in 2018 to mapping ethnic stereotypes for the sixty largest ethnic groups (both immigrants and ethnic minorities). Four clusters occupied the space of warmth-competence stereotype content: (1) Orthodox Slavic peoples (high warmth and high competence); (2) mainly indigenous peoples of the Russian Federation and Eastern Christian groups (middle warmth and middle competence); (3) ethnic groups from economically developed countries (low warmth and high competence); and (4) groups perceived as unskilled immigrants and stigmatized and conflict groups (low warmth and low competence). In addition, the results were reported to testing the expectations about the ambivalence of stereotypes, the relationship of the number of groups and the position of the ingroup/outgroup with their assessment, as well as the consequences of their cultural (or religious) similarities. The results showed predominantly stereotypes with linked warmth and competence, with several ambivalent stereotypes. The SCM expectedly and consistently described stereotypical images of ethnic groups in Russia taking into account antecedents from other models. Suggestions were made on changing ethnic stereotypes in Russia based on modern understanding of this topic.

Keywords: stereotype content model, ethnic stereotypes, social structure, intercultural relations, social cognition, intergroup bias, interethnic relations and conflicts.

Funding

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project no. 19-113-50258.

Acknowledgements

The author thanks Susan Fiske (Princeton University) and Anastasia Batkhina (HSE University) for their valuable contributions to the study of the content of ethnic stereotypes in Russia.